

*Мыльцин Владимир Николаевич
Царицынское генеалогическое общество*

Странная фамилия

Воспоминания о М. М. Туган-Барановском

В январе этого года, на официальном Интернет-сайте Царицынского генеалогического общества я с огорчением прочитал, что скончался Джучи Михайлович Туган-Барановский, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новой и новейшей истории Волгоградского государственного университета. Услужливая память тут же подсказала, и, как обычно в таких случаях, по ассоциации стали всплывать картины прошлого. Вспомнилось с каким интересом слушал его публичные лекции в Горьковской библиотеке. Припомнился и другой эпизод – случайная встреча в поезде, по причине которой и стал я посещать лекции Джучи Михайловича.

Наверное, в жизни любого человека бывают яркие и запоминающиеся встречи, о которых потом хочется рассказать, поделиться впечатлениями, встретить у собеседника сопереживание. Вот и у меня произошла такая любопытная встреча и, когда я поведал о ней своему товарищу, он странно посмотрел на меня и произнёс лишь одно слово: «Врёшь!». Я даже опешил от такого ответа, наверное, так красочно и эмоционально рассказал, что вызвал такую неадекватную реакцию. Но, ей-богу, ничего не присочинял, просто, когда рассказываешь, получается более доходчиво, чем когда пытаешься передать то же на бумаге, и тем более после того, когда прошло около четверти века, и многое стёрлось из памяти.

Но всё-таки я точно помню дату и некоторые подробности этой встречи – это был день, когда в печати опубликовали злополучный горбачёвский антиалкогольный закон. У меня была очередная командировка в Саратов в головной институт нашей организации, и я сидел в прицепном вагоне поезда № 93 Волгоград–Казань. Солнце уже клонилось к закату. Жара спадала. Настроение было хорошее. На этот раз я пришёл загодя (вопреки скверной привычке приходить чуть ли ни к самому отходу поез-

да), спокойно заняв своё место в купе, я развернул свежий номер местной газеты и погрузился в чтение.

Вдруг надо мной кто-то низким голосом произнёс: «Здравствуйте!». Я поднял голову – весь проём двери в купе занимала массивная фигура высокого грузного человека неопределённого возраста. Лицо гладко выбрито, на лбу видны мелкие капельки пота, которые он вытирал платком. Через правое плечо перекинута связанная сетка-авоська, где виднелись свёртки в газетной бумаге, и свешивающийся на груди фотоаппарат в кожаном футляре, а в левой руке он держал толстую суковатую палку (мне сразу вспомнилась трость Петра I, которая хранится под стеклом в нашем краеведческом музее).

Мужчина тяжело опустился на лавку напротив меня и тут же обратился с вопросом: «Что читаем, молодой человек? Что-нибудь интересное?». Наверное, я не очень охотно ответил (обычно я тяжело схожусь с незнакомыми людьми), так что продолжение разговора не последовало. Но спустя некоторое время появилась новая попутчица – женщина средних лет. Она оказалась врачом-диетологом. Между ними завязался заинтересованный разговор: о диете для пожилых людей, о кулинарии, об особенностях приготовления каких-то специфических блюд.

Я не очень-то прислушивался, и не помню, как они перешли в разговоре к другим темам. Не помню точно, что меня вдруг заинтриговало в их разговоре, наверное, прозвучала фамилия: наш попутчик назвал себя, сказав, что он – писатель, журналист Михаил Михайлович Туган-Барановский. И я вклинился в разговор со словами, что меня всегда удивляли двойные фамилии, и интересовало их происхождение: Грум-Гржимайло, Миклухо-Маклай. Особенно у меня вызывало недоумение странное сочетание – Туган-Барановский. Чудилось какое-то неестественное смешение: утончённые мелодии Венявского и «Половецкие пляски» Мусоргского.

«А Вы вообще-то знаете, кто такой Туган-Барановский?», – тут же спросил меня наш попутчик. Я, естественно, ещё помня институтский курс «ОМЛ» («Основы марксизма-ленинизма»), с уверенностью ответил: «Да, знаю – это известный антимарксист». На что он с хитрой улыбкой ответил: «Не-е-ет, молодой человек, Вы глубоко заблуждаетесь. Во-первых, Михаил Иванович Туган-

Барановский был не антимарксист, а, как его называл Ленин – легальный марксист. Они оппонировали друг другу. А, во-вторых, – тут он сделал паузу и отдельно произнёс, – это мой папа». Я, конечно, был изумлён, а на лице собеседника отобразилось удовлетворение от произведённого эффекта. «Да-да, – подтвердил он, – это мой папа». Тут же последовала микролекция о легальных марксистах, и почему Ленин их критиковал. А следом пошло углубление в историю и объяснение происхождения фамилии. По его словам, во время знаменитой Грюнвальдской битвы татарский военачальник Туган со своим конным отрядом должен был прийти на помощь полякам в их противостоянии с Тевтонским орденом. Однако он опоздал, отряд прибыл, когда битва уже завершилась. Туган вместе с людьми своего отряда обосновались в Польше, что и положило начало польским татарам. Впоследствии род Туганов породнился с родом Барановских, и таким образом появилась фамилия Туган-Барановские.

На моё недоумение, что существуют польские татары, наш попутчик стал разъяснять: «Есть ещё и литовские татары, а были и русские татары, их называли касимовскими. Знаете город Касимов? Так вот там было Касимовское ханство. Да и многие русские родовитые бояре вели своё происхождение от знатных татарских мурз и князей. Вот, например, известнейший княжеский род Юсуповых. И сейчас много знаменитых русских фамилий имеют татарское происхождение или просто эти люди являются татарами». И он стал перечислять: «Маршал Якубовский – татарин, учёный Келдыш – татарин, писатель Куприн – татарин...». Он назвал ещё несколько известных фамилий, но я их не запомнил.

Видно было, что наш собеседник – прирождённый рассказчик, говорит увлекательно, и слушать его было интересно. Сейчас можно только отрывочно воспроизвести нашу беседу или, вернее, тот монолог из миниатюрных рассказов Михаила Михайловича, которые мы в этот вечер слушали под равномерное перестукивание колёсных пар вагона.

Затем разговор перешёл на литературные темы. Он критически отозвался о пьесах известного драматурга, рассказал о встречах с Маяковским, а потом спросил: «А знаете ли Вы писателя Мстиславского?». Я пожал плечами и отрицательно покачал

головой: мол, разве можно всех писателей упомянуть. «Ну, как же это, молодой человек? – искренне удивился рассказчик и тут же добавил, – Сергей Дмитриевич Масловский – это его настоящая фамилия, он известный писатель, мой личный друг. По происхождению из богатой дворянской семьи. Но в 37-м году его не трогали. Умер он во время войны своей смертью. Вообще-то я пришёл к выводу, что в то время невиновных не сажали. Меня, например, вот два раза арестовывали, а потом отпускали. Правда, когда в третий раз пришла повестка явиться в милицию, я решил судьбу не испытывать и взял на полгода командировку в Башкирию – считать ягнят после окота». С добродушным смехом завершил он свои, кажущиеся не совсем правдоподобными, предположения.

«Так вот, – продолжил он, – Масловский написал несколько очень интересных книг. Жаль, что Вы их не читали. Будет случай, имейте это в виду, прочитайте! Советую! А в его книге «Накануне» (это о Февральской революции), – тут же пояснил он, предваряя мою реплику о тургеневском названии, – в этой книге очень много интереснейших подробностей предшествующих революции и достоверно описываются и убийство Распутина, и первые дни восстания».

«Я даже очень хорошо помню это время», – продолжал он. «В первый день революции я с товарищем возвращался из гимназии, на улицах толпы народа, мы увидели хоронящегося в подворотне городского, арестовали его, отобрали у него шашку и отвели в комиссариат. А там потребовали справку. Это для того, чтобы потом представить её родителям в оправдание своей задержки возвращения из гимназии. Прихожу домой, а в зале сидят Мережковский и Гиппиус. Они взволнованы, и сразу ко мне с вопросом, что, мол, происходит? А я с таким апломбом говорю: позвоните в Павловские казармы и узнаете обо всём, если солдаты в казармах – значит, революция закончилась, а если нет, то ещё продолжается, вы успеете пойти и посмотреть».

«Я и мой товарищ в Петрограде были первыми создателями пионерских отрядов. Тогда они назывались красными скаутами, так как создавались на основе скаутского движения и атрибутику от них переняли: галстуки, походы с кострами, призыв – «Будь готов!». А бойскауты в дальнейшем были запрещены, так

как считалось, что это буржуазные организации, и в них не принимали детей рабочих. Там были детки только из богатых семей».

«У меня большое желание написать воспоминания о том времени, уже есть отдельные наброски, и я разговаривал с редактором журнала «Волга» – он мой давний знакомый, обещал помочь с публикацией. Осталось за малым – сесть за стол и написать». При этом рассказчик рассмеялся и, качая головой, пояснил, что это, мол, самое трудное.

«Сейчас живу я в Саратове, – продолжал он, – а в Волгоград приехал, чтобы переписать мою дачу на сына. Сын у меня преподаёт в университете историю, недавно защитил кандидатскую диссертацию о Наполеоне. А знаете ли Вы о восстании генерала Мале против Наполеона?» – спросил он. Я выразил удивление и сказал, что из школьного курса такого не припомню, да и у Тарле, в его знаменитой книге, не помню такого. «Да, это мало изученный исторический факт, – продолжил рассказчик, – а Евгений Тарле об этот упоминает вскользь. Вообще-то, сложилось устойчивое мнение, что Франсуа Моле – авантюрист и недалёкий человек. Но это совсем не так. Он был ярым республиканцем, в своё время примыкал к якобинцам и Наполеона считал узурпатором». Дальше нам пришлось выслушать интересное повествование о бабувистах, о Бабёфе и о других фактах оппозиции наполеоновскому режиму.

Постепенно разговор перекинулся на современные темы, и Михаил Михайлович стал рассказывать о прошедших юбилейных торжествах: «Меня приглашали в Волгоград на торжества как участника обороны Сталинграда. А недавно я получил «Орден Отечественной войны» в честь юбилейной даты. Орден я подарил внучке – зачем он мне, а ей уже исполнилось 16 лет. Пусть будет память обо мне». И Михаил Михайлович очень тепло рассказывает о своей внучке.

Затем, после небольшой паузы, как бы вспоминая, тихо произнёс: «Самое тяжёлое на войне – это, когда идёт налёт авиации и идёт бомбёжка. Сидишь «в землянке в три наката», как поётся в известной песне, а это не спасает от прямого попадания. Сидишь так – и ничего не можешь предпринять, только чертыхаешься, где же, чёрт возьми, наша авиация? Кругом всё содрогает-

ся, сверху сыплется на тебя земля, обстановка напряжённая: только и думаешь: попадёт – не попадёт. Все молчат. Тут я и начинаю рассказывать, что вот, мол, скоро мы победим, и представьте себе: входим в Берлин, а пока дойдём до Берлина всех немцев-то перебьём. В Германии останутся одни женщины. Тогда переселим из Средней Азии мужчин, там ведь страшная жара, все мужчины инертные, миролюбивые. И вот мы их переженим на немках, и тогда нация станет миролюбивая. Майор-особист, оказавшийся случайно в землянке, заиграл желваками и сквозь зубы процедил, мол, попался бы ты мне в 37-м году. Я смеюсь, все тоже смеются и отвлекаются от тяжёлых раздумий. Напряжение спадает, кто-то ещё начинает рассказывать. Так и пережидаем налёт». – А потом добавляет: – вообще-то я не очень люблю рассказывать про те ощущения».

С интересным собеседником вечер пролетел очень быстро. Время позднее – пора было стелить постель и устраиваться на ночь. Михаил Михайлович как-то неловко стал заправлять подушку. Потом махнул рукой и просто накрыл её наволочкой. Я попытался немного помочь ему, он поблагодарил и, махнув рукой, как-то в сердцах произнёс переиначенную фразу: «Э-эх, из князи в грязи». Мол, всё одно теперь. Стало видно, что передо мной пожилой человек, и немного уставший от такой длительной беседы. По-видимому, разговор утомил его, ведь он не только рассказывал, но и с жаром спорил.

В Саратов поезд прибывал очень рано, только-только светало. На плохо освещённой платформе, выйдя из вагона, мы тепло распрощались и пошли в разные стороны. Помню, я почему-то оглянулся и посмотрел на сутулившуюся фигуру нашего рассказчика: он, мерно покачивая рукой, нёс свою лёгкую поклажу, направляясь в сторону подземного перехода.

Среди многочисленных поездок и случайных встреч, редко какие из-них оставили зарубки в памяти. Но эта встреча осталась в памяти надолго. Потом я очень сожалел, что так мало расспрашивал своего случайного попутчика, и долго интересовался, просматривая очередные номера журнала «Волга»: не попадутся ли его воспоминания. И только уже много лет спустя, когда появился Интернет, и я приобрёл компьютер, – узнал, что Михаил

Михайлович Туган-Барановский осенью того же года скончался в возрасте 84-х лет.

А теперь – *post scriptum* – как обычно пишут. По возвращении домой из командировки в своей библиотеке я случайно увидел на полке книгу, на корешке которой прочёл: «Грач, птица весенняя», автор С. Д. Масловский. Так, значит, я всё-таки читал этого автора!! Вскоре мне попала в руки и книга «Накануне. 1917 год», и я с большим интересом прочёл её, вспоминая случайного попутчика. В предисловии книги действительно говорилось, что автор достоверно и с полнотой отобразил события Февральской революции и так, что современному историку добавить к этому больше нечего. Однако, только одного не знали ни автор, ни его современники, ни тот, кто писал предисловие, что точку в убийстве Распутина, или контрольный выстрел, как теперь модно говорить, поставил агент английской разведки. В дальнейшем поинтересовавшись подробнее биографией автора, я узнал, что А. С. Масловский (Мстиславский) в своё время был членом партии левых эсеров, затем на Украине примыкал к «боротьбистам». Впоследствии он стал советским писателем, издал несколько романов, а в 1938 году был назначен официальным биографом В. М. Молотова. Умер он в эвакуации в 1943 г.

Ну, и завершая эти воспоминания, можно добавить, что перу Михаила Михайловича Туган-Барановского принадлежит несколько рассказов и романов, писал он под псевдонимом Святязевский. А в Интернете мне случайно попались сведения, где как-то глухо упоминалось, что он в молодости примыкал к эсерам-максималистам, состоял в боевой организации, принимая участие в ликвидации провокаторов. Об этом, правда, сам Михаил Михайлович ничего не рассказывал. Жаль, конечно, что не осуществились его намерения, и не были написаны воспоминания.

В. Н. Мьельцин
Волгоград, август 2015 г.